

Олег РЯБОВ

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А.А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами поиска внеземных цивилизаций), облкниготорге, издательстве «Нижполиграф».

Главный редактор журнала «Нижний Новгород», редактор-издатель альманаха «Земляки», директор издательства «Книги». Член Российского Союза антикваров, Национального Союза библиофилов.

Автор многих книг стихов и прозы и многочисленных журнальных публикаций. Участник антологий «Русская поэзия. XXI век», «Молитвы русских поэтов. XX–XXI», «Антология военной поэзии». Лауреат ряда литературных премий: города Нижнего Новгорода в области литературы (трижды), имени Шукшина «Светлые души» (Вологда), Б. Корнилова (Нижний Новгород); финалист премии «Ясная Поляна» (2013) за книгу «Четыре с лишним года. Военный дневник», шорт-листер премии «Золотой Дельвиг» (2013) за роман «Когиз», премии имени И. Бунина (2012) за сборник стихов «Утки не возвратились». Награжден медалью Пушкина.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ БУФЕТ

1

Мишка Жмуркин честно отслужил свою срочную в армии уже после окончания института; правды ради надо сказать, что служил он всего-то чуть больше полугода, а после был неожиданно комиссован, и даже непонятно по чьему распоряжению. Мишка сам долго не мог придумать, что солиднее и любопытнее – говорить всем, что его дядька генерал армии и служит в Министерстве обороны или что его ранило при испытаниях нового образца специального ракетносителя в Плесецке. Правда, никогда он в Плесецке не бывал – но и не проверишь! А вот то, что у его папы есть друг майор, который, пусть и всего-навсего заместитель комиссара районного военкомата, но уж это-то точно. Хотя Мишка говорил, что папин друг – заместитель министра обороны, но все знали, что Мишка постоянно врёт. К тому же ссылаться на какие-то знакомства и связи в Министерстве обороны непатриотично, а потому с годами Мишка остановился на варианте с ранением; он научился иногда прихрамывать, жалуясь на плохую погоду, и научился ходить со старинной тростью. Часто теперь в своей разговорной речи он мог употребить выражение: «Помнишь, как мы сразу после войны трудно жили?» – и никто никогда не переспрашивал у него, про какую войну идёт речь: понимали, что это

нетактично. Правда, он иногда проговаривался, что трижды во вторую чеченскую кампанию в командировках бывал, и его тоже не перебивали – знали, что он будет рассказывать про всякие ужасы и врать.

В общем, Мишка постоянно врал, причем он врал с любовью, с упоением и фантазией – будто поэму писал.

Отец его умер, пока Михаил в армии был, – инфаркт. На похороны он не попал, но могилку свежую посетил сразу же, как только прибыл в город. На кладбище ходили вдвоём с другом Ильёй Криворотовым; взял его в качестве проводника, чтобы не плутать среди заросших лесом старых могил, – отца хоронили на старом городском кладбище как уважаемого в обществе человека, а Илья был сам на похоронах и место помнил. Он был настоящим другом, хотя и учились они с Мишкой в разных институтах. Правда, от армии он сумел откосить как-то, за что Мишка его высокомерно и по-отечески журил, обвиняя в отсутствии патриотизма.

Мама Михаила, Нина Даниловна, была женщиной интересной, и после смерти мужа, в смысле Мишкиного отца, были у неё всякие варианты и предложения, но она без энтузиазма восприняла их и осталась жить с Мишкой своим вдвоем в большой квартире в центре города. Правда, грела её тайная мысль, что Мишенька её всё же скоро женится, и нарожают молодые ей кучу внучат, и будет у неё естественный и востребованный природой новый этап в жизни. Но Мишка не торопился, и даже девушки постоянной у него не было, а на вопросы по поводу решения естественных интересов по отношению к женскому полу отвечал так резко, что вопросы быстро пропадали – не любил он их обсуждать.

То ли из страха быстро обабиться, то ли из-за самого натурального сенсорного голодания и женской потребности в общении, но устроилась Нина Даниловна работать билетёром-администратором в Оперный театр; не так уж и нужны ей были эти небольшие деньги, которые она там получала, а вот постоянное общение с городской элитой в виде нарядно одетых зрителей и слушателей, поклонны, улыбки, аплодисменты – это приятно и важно было для неё. Прижилась она там и уже через несколько лет стала в театре совсем своим человеком.

Мишка же успешно, и даже очень успешно, работал журналистом в вечерней городской газете «Горожане». Он не очень часто контактил с владельцем газеты – крутым местным бизнесменом, у которого были ещё какие-то более важные и прибыльные ресурсы, которым тот уделял больше внимания, чем газете, – но всё же был с ним знаком. Мишка журналистом был настоящим, а потому позволялось ему готовить раз в месяц довольно серьёзные разоблачительные и даже обличительные материалы против сильных мира сего, а Мишка с заинтересованных лиц мог получить за такие материалы серьёзную финансовую поддержку от тысячи до двух тысяч долларов США – такса такая. Такие публикации прибавляли не только количество врагов, но и друзей и поклонников у него появлялось всё больше и больше.

А потому, когда газета приказала долго жить и работникам было доложено, что завтра они в редакции никому не будут больше нужны, да и самой редакции уже не будет, Мишка не больно-то и горевал: его ждали в десятке других мест, уважаемый он был человек.

Взять, к примеру, тот же самый Оперный театр, в котором удачно служила его матушка. Мишка дважды делал великолепные материалы про театр. Первый раз ему удалось взять интервью у великой Екатерины Максимовой, которая приезжала в город в качестве члена жюри

какого-то конкурса молодых театральных талантов. Гениальная балерина раскритиковала всё, что ей удалось увидеть в городе: и дома, и дороги, и транспорт, и людей, и театр, конечно, вместе со всей труппой и руководством. Но Мишка сумел расшифровать магнитофонную запись интервью, так сократив её, что наш Оперный театр стал одним из лучших в стране и в Европе! А солистам нашего балета прямая дорога в Большой и в Мариинку!

Директором театра в тот момент была Анна Егоровна, дама мудрая и сообразительная, бывшая когда-то, в советские времена, первым секретарем одного из сельских райкомов комсомола. Как уж она доросла до директорской должности, не знаю, но пригласила она к себе в кабинет Жмуркина для более обстоятельного знакомства и осталась довольна. И появилось в театре твердое и негласное распоряжение: Жмуркина в любой час дня и ночи через служебный вход в театр пускать и в служебном буфете пивом поить за счет заведения.

Служебный театральный буфет был точкой особенной: находился он на выделенной площадке служебной лестницы, ведущей в гримерки между вторыми и третьим этажами, и пройти в него через театральные лабиринты без подсказки местных старожилов с первого раза было делом затруднительным. А главное, находился этот буфет на три столика под патронажем одного из богатеньких спонсоров театра и снабжался он совсем по-особенному. Отличалось качество продуктов в этом служебном буфете для артистов от тех, что появлялись в буфете для зрителей, который располагался на первом этаже между туалетами и гардеробом: и коньяк здесь был другой, и эклеры особенные, и бутерброды. А уж про пиво и говорить нечего.

Помните ли вы пиво «Двойное золотое»? А «Мартовское» тёмное? А «Бархатное»? Я не про название, а про вкус? Так вот, в служебном театральном буфете пиво всегда было отменным, и привозилось оно специально и из Австрии, и из Сарапула, и ещё из каких-то совершенно удивительных мест.

Жмуркин сразу оценил милость Анны Егоровны и решил отблагодарить. Прибыл в тот момент в город в рамках фестиваля японской культуры на гастроли Японский имперский балет. Михаил побывал на репетиции прославленной труппы балета, чтобы иметь кое-какое представление, потому что в своё время увлекался всякого рода восточными практиками, и ужаснулся. Вы видели корову на льду? Так вот – если не видели, то полное представление о таком явлении можно получить за двадцать минут репетиции балетной труппы Японского имперского театра. Хотя Жмуркин сумел интерпретировать всё убожество движений и жестов японских артистов как национальное достоинство и восточный колорит.

И опять он получил полное одобрение Анны Егоровны, а ещё и предложение от неё получил: войти в попечительский совет театра. Жмуркин дал согласие, потому что участие в этом совете не влекло никаких дополнительных прав или обязанностей. А вот предложение от Александра Ивановича Кротова, главного энергетика театра и негласного фаворита Анны Егоровны, было несколько серьёзнее. Заметил он как-то Михаилу, что вместо того чтобы каждый вечер, поджидая после спектакля свою матушку, сидеть в артистическом буфете посасывая пиво, мог бы он заняться чем-то полезным и получать ещё за это деньги.

Александр Иванович был мужичком маленьким, в смысле низкорослым, коренастым и противным. Днём он ответственно занимался вверенным ему хозяйством, чаще всего в составе какой-нибудь комиссии,

составляя или подписывая многочисленные акты. А вот во время вечернего спектакля его можно было найти в буфете на первом этаже, где он ежедневно пользовал коньяк, и у него были тут определённые, но недоразвитые симпатии с буфетчицами: считался Александр Иванович большим и изысканным сердцем, таким местным искандеровским бедным Маратом. Помните пожизненный девиз его: «Она осталась довольна!»

Так Михаил стал дежурным электриком оперного театра. Фронт работы его не был ограничен никакими инструкциями, а просто должен он был теперь помогать Кротову. И появился у него теперь небольшой кабинет в виде комнатки, где он мог, воткнув в розетку паяльник, что-то запаять, а Жмуркин это и любил, и умел. Вы представляете себе количество электрических лампочек освещающих оперный театр: бра и люстры, внутри и снаружи, в залах, в вестибюлях, в коридорах, в гримёрках, в цехах, в подвалах? Тысячи! И они регулярно перегорают. И их надо регулярно менять. А утюги? Простые электрические утюги в раздевалках у девочек из кордебалета, которыми они себе пачки и воротнички гладят, они что, не перегорают? И всё это надо ремонтировать, перематывать или просто электрические вилку с розеткой поменять, а ведь это надо уметь.

Михаил умел!

2

Будучи человеком воспитанным, педантичным и серьёзным, Жмуркин каждый день приходил на работу в костюме и галстук, надевал открахмаленный белоснежный халат и проводил обстоятельный осмотр всех вверенных ему помещений и изучение всех заявок, обращаясь ко всем на «вы» и не допуская никакого амикошонства. Вообще он очень серьёзно отнёсся к своей этой работе. Он понимал, что надолго здесь не задержится, но хотелось ему оставить о себе приятные воспоминания и матушку не хотелось подводить. К тому же очень быстро Михаил понял, что все эти и солисты, и девочки из кордебалета, и даже обслуга театра и в общем, и в частности – слабые, беспомощные, незащитные и даже глупые существа; по крайней мере по сравнению с его бывшими коллегами, битыми-перебитыми прожженными циниками журналистами.

Александр Иванович Кротов на некоторое непродолжительное время занял определённое место в иерархии близкого окружения Жмуркина, но очень и очень быстро освободил его. Вообще Михаил придерживался теории какого-то американского писателя, то ли Брэдбери, то ли Азимова, что у каждого человека для комфортного существования на свете должно быть три старших товарища, как бы наставника, три сверстника-друга и три младших по возрасту, как бы ученики. Так вот Кротов временно занял место отца для Михаила в этой его системе. Александр Иванович частенько приглашал Жмуркина посидеть с ним в буфете за рюмочкой коньяка, но Михаил всегда отнекивался: и не то чтобы он не уважал Кротова, он мог бы с ним и выпить, но не в этой жуткой компании, с буфетчицами. Вот эта его внутренняя установка на свою элитарность была для него превыше всего: он всегда знал и сам определял свое место. И потому Михаил сидел по вечерам в другом, артистическом буфете на третьем этаже и пил там пиво. И часто – не один.

Повадился теперь ходить к нему в гости в театр, а ещё точнее в театральный буфет, Илья Криворотов, старый товарищ, спортивный репортёр,

журналист с телевидения. Он спокойно проходил через служебный вход театра, предъявляя корочки то Союза журналистов СССР, то давно позабытого сатирического журнала «Крокодил», то газеты «Правда». Был Илья из той самой тройки ближайших товарищей-современников Михаила, на которых, по теории американского писателя-фантаста, он мог положиться в трудный момент, и они вдвоем очень хорошо проводили время, понимая друг друга с полуслова, посиживая в служебном театральном буфете.

Буфет, в свою очередь, работал тоже очень странно, подчиняясь неведомым позовам его хозяйки, буфетчицы Зоси: с девяти утра и до двенадцати ночи он мог функционировать по одной только ей понятным правилам. Зося была фанатичной поклонницей оперы и балета и могла жить в здании театра – просто её надо было найти, если тебе приспичило попасть в буфет.

У мужчин существуют десять основных тем для длительного и предметного разговора: выпивка, рыбалка, охота, карты, женщины, политика, табак, армия, автомобили, спорт. Жмуркин и Криворотов могли травить друг с другом часами, но повторить их диалоги невозможно из-за совершенно непотребной каши, сваренной ими совместно из перечисленных тем.

Хотя Илья изредка умел заострить внимание на чём-нибудь одном и, как казалось ему, самом существенном. Так, он не понимал равнодушия Михаила к многочисленным стайкам полуобнаженных молодых девушек, снующих мимо и щебечущих что-то невнятное.

– Кордебалет, – равнодушно и даже несколько брезгливо махал в их сторону рукой Жмуркин.

– Что значит кордебалет? – возмущался Илья.

– А то, что это как планктон – недостойно внимания. К тому же... – и снова махал рукой.

– Чего ты руками машешь? Лучше познакомь меня с ними.

– Да пожалуйста. Только учти, что многим из них нет ещё и шестнадцати. К тому же у них все спины в прыщах, а в гримерках у них так пахнет потом, что ни пудра, ни туалетные парфюмы не спасают. Как в конюшне.

– А ты познакомь.

– Да пошли. Я должен как раз, кстати, у них взять утюг, перемотать в нем спираль и перепаять выходные клеммы. У них пять утюгов, все старинные, сталинских времен, а может, даже и наполеоновская Жозефина ими ещё пользовалась, и всё время они ломаются или перегорают. Впечатление, что девчонкам нравится меня гонять туда-назад. Если хочешь, я скажу, что ты с телевидения и будешь снимать программу о молодых талантах. Хорошо?

– Что хочешь, то и говори – я поправлю. А сколько их там?

– Там пять гримёрок для кордебалета, по пять, по десять девчонок. Я же не знаю – сколько их будет сегодня.

– Тогда я захвачу от Зоси пару бутылок шампанского. Никто шуметь не будет?

– Да нет, не будет. Сегодня среда, три часа дня, репетиции закончились. Бери. Только без меня, пожалуйста.

– Хорошо-хорошо, ты только познакомь меня.

Илья, с виду неуклюжий увалень на сто с лишним килограммов, был прожжённым дамским угодником; для него всегда неразрешимой дилеммой стоял выбор: выпивка или женщины. Правда, ему удавалось иногда совмещать эти два своих пристрастия.

Друзья вышли из буфета, прошли по коридорчику, спустились этажом ниже, снова прошли по коридорчику, поднялись по лесенке в переход и оказались в специальном репетиционном пристрое.

Девчонок в примерке оказалось действительно пять. Полуголые или полуодетые, они ничуть не засмутились своего состояния, по-деловому продолжая раздеваться и одеваться. Все эти перекошобоченные пачки, развязанные и валяющиеся на полу пуанты подсказывали, что мужчины попали в чужой мир. Жмуркин был немногословен: он представил друга как телевизионного кинорежиссера и удалился.

3

На следующий день Косоротов явился в театр к трем. Он зашел в каморку Михаила не стучась, снял мокрую куртку и кепку, отряхивая их от воды, и плюхнулся в здоровенное глубокое дубовое кресло – по всей вероятности, театральный реквизит. А у Жмуркина вся мебель в мастерской была набрана из реквизита.

– Дождик идёт такой противный, – начал Косоротов.

– А дождик-то тебе чем помешал?

– Нет-нет-нет, дождик мне никогда не мешал и, надеюсь, не помешает. Вот вчера я с этими твоими двумя, с Юлей и с Таней...

– А с какой стороны они мои? – лениво возразил Жмуркин.

– Ну а как же? Театр твой? Твой. Девчонки в театре служат? В театре. Значит они – твои.

– Ну пусть. Хорошо.

– Так вот – вчера мы с Таней проводили Юлю, а потом я проводил Таню и у неё остался.

– Так ты сегодня за Таней пришел?

– Нет, наоборот – за Юлей! Я вчера Таню провожал, а сегодня я договорился с Юлей.

– Удачно у тебя всё, значит, получилось?

– Удачно.

– Я так вчера и заметил – ты, как к девчонкам в гримёрку зашел, так у тебя нос-то, как у лиса, вытянулся.

– В смысле?

– Ну, как у лиса в курятнике. Так что давай ты дальше работай, а я домой пойду, пообедаю, а вечером снова заявлюсь.

– Так я сейчас Юлю домой провожу и тоже к тебе вечером приду – пивка попьем. А скажи, что у тебя за тёрки последнее время с этим твоим начальником, с шурупом с этим, с Кротовым?

– Глупый он просто. Ревнует. А может, и завидует, что ему бесплатно коньяк в артистическом буфете не наливают.

– Так тебе же тоже коньяк бесплатно не наливают – только пиво.

– А ему кто-то сказал, что и коньяк мне тут бесплатно наливают. Так он пришел к Зосе и потребовал налить коньяку – она так его отлаяла, что хоть святых выноси, я слышал. Вот он и собачится теперь. Сегодня при всех проституткой её обозвал; я ему вежливо так объяснил, что надо извиниться, а то он может когда-нибудь за такие слова и схлопотать. После чего он заявил, что я должен на ночь после спектакля сегодня остаться, спустить центральную большую люстру в зале и вымыть её.

– А ты что?

– Я его послал подальше матом!

– Правильно.

Вечером, после спектакля, когда зрители уже разошлись, а работники ещё только собираются, стояли в пустом вестибюле театра Нина Даниловна с Криворотовым да у дверей закрывшегося уже буфета, пошатываясь, Александр Иванович – дожидались они Михаила. Между колонн у входа о чем-то грустно совещались два сержанта в полицейской форме – они каждый вечер тут совещались для предотвращения каких-либо неожиданных эксцессов, и не напрасно.

Жмуркин, спускаясь по лестнице в вестибюль со второго этажа, естественным образом сначала наткнулся на поджидавшего его Александра Ивановича, и тот попытался его задержать, схватив за воротник куртки, но неудачно, и пришлось ему почти бежать за Михаилом, пока тот шел к своим.

– Михаил, ты что, не слышал, что я тебе приказал сегодня задержаться – мы с тобой должны спустить большую люстру и вымыть её. Это приказ директора, Анны Егоровны, – на бегу, пьяно и суетливо выкрикивал Кротов.

– Она тебе приказала, вот ты и мыть будешь. А я... Я же тебе велел сегодня извиниться перед Зосей, а ты?

– Это что ещё – я, главный инженер, да буду извиняться перед каждой проституткой?

– С чего это ты взял, что она проститутка?

– Да все они проститутки, – Александра Ивановича покачивало, и было видно, что он очень пьян, – и все эти буфетчицы, и все эти дуры набитые из кордебалета, и все эти уборщицы с билетершами.

Кротов уже стоял в двух метрах от Нины Даниловны и вещал глупо и пьяно, глядя ей прямо в глаза и размахивая руками.

– Это что же – и моя мама проститутка? – как-то чуть-чуть недоумевая, спросил Жмуркин.

– Да! – ответил Кротов, тоже ничего уже не соображая.

Лучше всех и быстрее всех среагировал Илья: он, не размахиваясь, ткнул своим огромным кулаком в лицо Кротову, и тот с рассеченной бровью уселся на мраморный пол, заливаясь кровью. Вот почему полицейские сержанты должны дежурить в вестибюлях всех театров: они стремглав бросились к Илье и к лежащему окровавленному Кротову. Но побоялись они хватать за руки такого крупного мужчину, как Криворотов, к тому же в руках у него уже сверкало красненькое удостоверение, пусть и Союза журналистов, но всё же. Зато в руках у Жмуркина сверкало такое же красненькое, но уже удостоверение подполковника ФСБ, и он дал рассмотреть его в подробностях полицейским служащим. А сам он смотрел на этих блюстителей порядка свысока, как на что-то недостойное и портящее красоту и тишину нашего города.

– Извините, господин подполковник, – пролепетали.

– Вы свободны, товарищи, – хорошо поставленным голосом командовал сержантам Жмуркин, и те удалились.

– Откуда у тебя такие корочки? – спросил у друга Илья.

– Я тебе потом как-нибудь расскажу, – подняв одну бровь, серьёзно ответил Михаил.

Больше на работу в Оперный театр Жмуркин не ходил.

Да, по-моему, Кротов тоже.